

Конференц-зал оперативной группы уголовного розыска полиции города Цзинши.

Воздух в помещении был настолько тяжелым, что, казалось, его можно было резать ножом. Луч проектора падал на экран, где сменяли друг друга фотографии Ли Гоэр, сделанные еще при жизни, жуткие кадры с места преступления и выдержки из предварительного отчета судмедэкспертизы. Все это давило на присутствующих, словно неподъемные камни. Фан Шуюй стоял в торце длинного стола, опираясь руками о столешницу, и острым взглядом обводил каждого из своих подчиненных: У Фэна, Ян Вань, Лу Чутина, Вэнь Юаньюань, Цзян Юнь, а также Чжун Шу, только что прибывшего из отдела судебно-медицинской экспертизы.

— Ситуация вам ясна, — голос Фан Шуюя звучал глухо и твердо. — Погибшая Ли Гоэр, двадцать пять лет, стримерша, специализировавшаяся на мистике. Смерть наступила в результате крайне изощренного и жестокого воздействия. Место преступления выглядит подозрительно чистым, что говорит о высоком уровне контрразведывательной подготовки убийцы. Предварительно можно сделать вывод: это спланированное, ритуальное убийство.

Он указал на крупный план раны на шее девушки:

— Смертельное ранение — точно перерезанная сонная артерия. Предположительно, использовался узкоспециализированный инструмент, вроде скальпеля, с невероятно острым лезвием. Язык жертве отрезали еще при жизни, причем действовали профессионально и хладнокровно.

Фан Шуюй переключил слайд на фотографию странных насекомых, найденных в желудке жертвы. Несмотря на пикселизацию, в зале слышались сдавленные вздохи.

— Судмедэксперты в экстренном порядке проводят идентификацию этих тварей. Что означает их присутствие? Преступник намеренно подбросил их внутрь или же это часть какого-то оккультного ритуала? На данный момент это главная загадка дела.

У Фэн взял слово:

— Шеф, мы с Ян Вань и Чутином прочесали все камеры наблюдения в радиусе пяти километров от места происшествия у подножия горы Фэнлин. В указанный промежуток времени, кроме старика, заявившего об обнаружении тела, и нескольких проезжавших грузовиков, не было замечено ни одного подозрительного человека или автомобиля. Либо убийца досконально знает расположение всех камер и идеально их избегает, либо... он словно возник из ниоткуда и так же исчез.

Цзян Юнь добавил:

— Что касается улики, то проливной дождь сильно все испортил. Кроме следов борьбы жертвы и отпечатков ног заявителя, мы нашли лишь один нечеткий отпечаток подошвы в грязной траве метрах в пятидесяти от автобусной остановки. Модель обуви определить невозможно, но

размер крупный, предположительно — мужской. Технический отдел пытается восстановить модель по 3D-сканированию.

Вэнь Юаньюань поправила очки:

— Личные вещи погибшей изучены. Телефон убийца забрал с собой, но в кошельке остались небольшая сумма наличных и документы — версию с ограблением исключаем. Сейчас восстанавливаем данные из облака и историю переписки, надеемся найти тех, с кем она общалась перед гибелью. Кроме того, в аккаунте на платформе стримов за неделю до убийства зафиксированы частые донаты и личные сообщения от пользователя с ником Золотая Цикада. Темы касались приглашений на некие спиритические ритуалы, но Ли Гоэр не отвечала. IP-адрес этого пользователя постоянно меняется, мы пытаемся его отследить.

— Золотая Цикада... — Фан Шуюй пробовал имя на вкус. Интуиция подсказывала, что этот пользователь — вовсе не обычный фанат, и в душе забили тревогу. — Сосредоточьтесь на этом ID! И как продвигается проверка круга общения погибшей?

Ян Вань открыла блокнот:

— Ли Гоэр была замкнутой, в реальности друзей почти не имела, вся ее жизнь проходила в сети. Родители давно умерли, есть дальняя кузина в Цзинши, но они почти не общались. Арендодатель говорит, что режим у нее был странный, часто уходила на стримы посреди ночи. Фан-база у нее неоднородная: много фанатиков, но немало и тех, кто обвинял ее в постановочных видео. Пока явных врагов или любовных драм не обнаружили.

— То есть стандартные мотивы — месть, ревность или корысть — пока не имеют под собой оснований, — резюмировал Фан Шуюй, нахмурившись. — Цель убийцы — сама Ли Гоэр или, вернее, некая ее особенность. Например, то, о чем упоминал Чи Сяньчуань — чистая инь по дате рождения.

При упоминании Чи Сяньчуаня атмосфера в зале едва заметно изменилась. Чжун Шу не выдержал:

— Капитан Фан, а профессор Лу... что он сказал по поводу насекомых?

Фан Шуюй покачал головой:

— Профессор Лу — выдающийся хирург, но биология и энтомология — не его профиль. Он передал образцы экспертам биофака университета Цзинши, результаты будут не раньше завтрашнего дня. Однако его оценка убийцы такова: действовал крайне профессионально, хладнокровно и жестоко. Он превосходно знает анатомию, скорее всего, имеет медицинское образование, особенно в области хирургии.

— Хирург? — У Фэн сдавленно охнул. — Круг подозреваемых... довольно широк.

— Значит, меняем вектор расследования, — Фан Шуюй постучал по столу. — Первое: копать глубже в сетевую активность Ли Гоэр, особенно в отношении Золотой Цикады и круга фанатиков, искать следы влияния сект. Второе: проверить Цзинши и окрестности на предмет нераскрытых дел с похожим почерком или ритуальной составляющей. Третье: взять на особый контроль людей с медицинским образованием и навыками хирургии, которые в последнее время ведут себя странно или проявляют нездоровый интерес к оккультизму. Четвертое, — он сделал паузу, — техническому отделу ускорить анализ следа подошвы и образцов насекомых. Это наши самые прямые улики.

— Есть! — хором ответили сотрудники.

После совещания все вернулись к работе. Фан Шуюй подошел к окну, глядя на хмурое небо. Улик слишком мало, кругом сплошной туман. Слова Чи Сяньчуаня о начале жертвоприношения и некоем масштабном замысле призраком крутились в голове. Он достал телефон, нашел старый номер Нокии, принадлежавший даосскому монаху, помедлил, но так и не решился позвонить. Он знал: ехать к этому ленивому отшельнику — значит снова дать себя обобратить, а толку будет ноль. Тот ясно дал понять, что не хочет пачкаться в этом деле.

В отличие от напряженной обстановки в полиции, жизнь в храме Юэцзянь текла своим медленным и безмятежным чередом. Через несколько дней, в погожий полдень, солнце пробивалось сквозь листву старой софоры, рисуя причудливые тени на каменных плитах. Чи Сяньчуань лежал в своем любимом плетеном кресле-качалке, прижимая к груди угольно-черного кота по кличке Байбай, и лениво поглаживал его. Он полуприкрыл глаза, то ли дремля, то ли витая в облаках.

Чжао Маньтан, словно трудолюбивая и назойливая пчела, жужжал по всему двору. Он взял метелку для пыли и с важным видом смахивал несуществующую грязь с изваяния божества в главном зале, при этом бормоча:

— Дедушка-основатель, благослови наш храм, чтобы прихожан было много, а денег — горы! Сделай так, чтобы брат Чуань поменьше ввязывался в неприятности и не ломал мой мопед, когда по ночам уезжает спасать людей! Пусть мне повезет на барахолке, хочу найти что-нибудь стоящее, а лучше — новый электроскутер с навигатором...

— Пусть дядя Хэшань кладет поменьше зелени в еду и побольше мяса! Пусть младший брат Шоуцзин перестанет сверлить меня взглядом из-за счетов...

— Пусть Байбай не прыгает ко мне на кровать по ночам, пугая до смерти...

— Пусть...

— Чжао Маньтан! — Чи Сяньчуань наконец не выдержал. Он даже не открыл глаз, лениво

процедив сквозь зубы, голос его звучал хрипло после сна и был пропитан крайним пренебрежением. — Ты что, муха? Жужжишь и жужжишь, у меня голова раскалывается. Хочешь, наклею на тебя талисман молчания? Если продолжишь, смотри, как бы дедушка-основатель не явился и не завязал твой язык узлом.

Чжао Маньтан застыл, обиженно обернувшись:

— Брат Чуань, я же перед основателем отчитываюсь! И молюсь о процветании нашего храма... Это называется благочестие! Понимаешь?

— Процветание? — хмыкнул Чи Сяньчуань, наконец открыв глаза. В его красивых персиковых глазах плясали насмешливые искры. — Твое будущее — это электроскутер с навигатором? Неужели это предел твоих мечтаний? Услышав такое, дедушка-основатель захотел бы среди ночи подхватить статую и сбежать в более тихое место. Лучше бы молился, чтобы Байбай не мешал Шоуцзину готовить и не переводил еду.

В этот момент из кухни вышел Лю Хэшань с тарелкой свежесмытых манго:

— Маньтан, иди сюда, попробуй манго, очень сладкие.

Чжао Маньтан тут же бросил метелку и схватил тарелку:

— Спасибо, дядя Хэшань!

Он взял нож и с уверенным видом полоснул по фрукту, но лезвие соскользнуло, и мякоть срезалась кривым, уродливым полумесяцем.

— Ой! Опять неровно! — досадливо воскликнул Чжао Маньтан.

Чи Сяньчуань бросил на него взгляд и холодно добавил:

— Видишь? Даже основатель не выдержал и исполнил твое желание — навигатора на скутере не видать, зато получил манго-полумесяц. С таким мастерством нарезки дедушка только головой покачает и скажет, что подношение недостаточно искреннее.

Лю Хэшань рассмеялся, рассматривая кусочек:

— А что, форма довольно необычная. Напоминает времена, когда я подрабатывал в лавке фруктов, там хозяин делал фигурные нарезки, превращая плоды в цветы или полумесяцы — стоили они втридорога!

Чжао Маньтана эта ситуация вывела из себя, он сделал еще несколько попыток, но все они превратились в разнокалиберные полумесяцы. В сердцах он отложил нож:

— Больше не буду! Этот нож меня ненавидит!

Чи Сяньчуань сел и сладко потянулся, так что его кости хрустнули:

— Маньтан, а твое вечное бурчание — это потому, что при перерождении в твой суп Мэн По подмешали десять фунтов маринованных слив? Язык так и чешется, что ты даже фрукты превращаешь в арт-объекты.

Чжао Маньтан покраснел до корней волос и, выпятив подбородок, парировал:

— Я пекусь об общем благе! Волнуюсь о делах храма! Не то что ты — целыми днями лежишь на солнце, гладишь кота, как пенсионер на заслуженном отдыхе! На алтаре пыли уже в палец толщиной, а ты и пальцем не пошевелил!

— Пенсионер? — Чи Сяньчуань приподнял бровь и, подхватив со стола огрызок яблока, метко запустил его в Чжао Маньтана. — Я занимаюсь самосовершенствованием и постигаю путь Дао, понятно? Думаешь, все такие, как ты, у кого в голове только деньги и тот корытообразный мопед? Пыль на столе основателя — это патина времени, это осадок истории, что ты в этом согласишься?

Огрызок пролетел мимо уха Чжао Маньтана, заставив того подпрыгнуть с воплем:

— Чи Сяньчуань! Опять мусоришь! Штраф! Однозначно штраф! Вычту из твоего довольствия на следующий месяц!

— Вычитай, — махнул рукой Чи Сяньчуань и снова улегся, накрыв лицо широким рукавом. Из-под ткани донеслось приглушенное ворчание: — Все равно ты уже урезал мои расходы до листьев салата. Если урежешь еще, пойду грызть подношения с алтаря. Те фрукты выглядят довольно сочными.

— Ты! — Чжао Маньтан топнул ногой от злости. Его глаза вдруг хитро блеснули, он подошел к креслу и понизил голос, придав ему таинственности: — Эй, брат Чуань, серьезно... то, что было у подножия горы... это правда закончилось? Не приползет ли сюда какая-нибудь... дрянь?

Он нервно огляделся, будто запах крови мог долететь сюда с горным ветром.

Из-под рукава донесся невнятный голос:

— Дрянь? Да есть одна — это ты. Перерожденная болтушка, хуже любой нечисти. Если еще раз

прожужжишь мне над ухом, клянусь, нарисую талисман молчания и запечатаю твой рот.

— Чи Сяньчуань! — Чжао Маньтан окончательно вышел из себя.

— Ладно-ладно, — Чи Сяньчуань рывком сбросил рукав, явив лицо, полное нетерпения. — Если буду слушать твое нытье, мой душевный покой окончательно рухнет, придется спускаться в город, чтобы напиться людской энергией. А ты продолжай отчитываться основателю о своих мечтах про навигатор и искусстве нарезки манго.

Сказав это, он встал, отряхнул несуществующую пыль с одежды и направился в задний двор.

— Эй? Ты куда? За перцем? — крикнул вслед Чжао Маньтан.

— Спасать свои уши от твоей отравы, — не оборачиваясь, махнул рукой Чи Сяньчуань.

Он оседлал тот самый электроскутер, который Лю Хэшань «реанимировал» до состояния «кое-как едет», хотя левое зеркало все еще держалось на нескольких слоях прозрачного скотча. Повернув ключ, скутер издал неохотное, дребезжащее рычание и, везя на себе эту фигуру, похожую на небожителя, поплелся по горной дороге в сторону шумного мегаполиса.

Послеполуденное солнце разогнало затяжной туман. В центре Цзинши было не протолкнуться, повсюду сплошной поток машин и людей. Чи Сяньчуань небрежно припарковал скутер на стоянке для двухколесного транспорта, даже не пристегнув его — на это корыто вор даже не посмотрит.

Он медленно шел, засунув руки в карманы выцветших светло-серых льняных брюк. Ветер трепал его длинную челку, время от времени она падала на глаза, и он лениво откидывал ее рукой. Даже в такой простой и поношенной одежде его стройная фигура, длинные черные волосы и утонченные черты лица выделялись из толпы. Несмотря на шумный мегаполис, от него исходило ощущение отстраненности и небесной чистоты, заставляя прохожих оборачиваться. Молодые девушки тайком поднимали телефоны, перешептываясь о том, какой он красавец, словно сошедший с картины.

Чи Сяньчуань не обращал на это внимания, или, вернее, ему было все равно. Он брел, глядя в пустоту, словно городская суeta его не касалась. Он просто «чувствовал» — впитывал эту хаотичную, но мощную энергию людей, что для отшельника было необычным опытом, пусть и шумным.

В этот момент раздался оглушительный, пронзительный рингтон!

— Бескрайние просторы — моя любовь! У подножия гор расцветают цветы! Какой ритм самый заводной! Какая песня самая радостная! — это была песня «Самый крутой этно-стиль» группы «Феникс», выставленная на максимальную громкость, мгновенно перекрыв городской шум.

Шух!

Молодые люди, только что замороженные его внешностью, при виде того, как он достал из кармана антикварную модель телефона с крошечным экраном, стертыми кнопками и облупившимся корпусом, сменили восхищение на недоумение, а затем — на скрытое пренебрежение. Словно на бесценную картину выплеснули миску жирного супа.

Чи Сяньчуань, не заметив перемены, невозмутимо нажал на кнопку вызова и приложил трубку к уху.

— Алло? Брат Чуань! Ты где шляешься? Быстро возвращайся! — громкий голос Чжао Маньтана буквально взорвал динамик, прохожие невольно обернулись.

— Чего надо? Жить надоело? — лениво отозвался Чи Сяньчуань, не сбавляя шага.

— Киноварь в храме почти закончилась! На талисманы не хватает! Срочно купи! Возьми высшего сорта, не бери ту подделку с красителями, не смей дурить основателя! — голос Чжао Маньтана не терпел возражений.

Чи Сяньчуань отодвинул телефон подальше от уха и лениво ответил:

— Купить киноварь? Маньтан, ты посмотри на меня, похож я на человека, у которого есть деньги? В карманах пусто. Может, скинешь мне пятьсот юаней на расходы?

— Мечтай! — взвизгнул Чжао Маньтан. — Думаешь, ты можешь тратить деньги из нашей заначки? Ты настоятель, сам выкручивайся! В прошлый раз у тебя разве не остались обрезки от талисманов? Используй их! На крайний случай... встань у перехода, погадаешь кому-нибудь! Нарисуешь талисман! С твоим-то лицом точно найдется какой-нибудь простак... то есть, судьбой предназначенный человек! Заработаешь — купишь! Все, пока!

— ... — Чи Сяньчуань посмотрел на старую «звонилку», из которой доносились гудки, и закатил глаза.

— Настоятель? Скорее, главный простак, — пробормотал он, сунул телефон в карман и продолжил бесцельно бродить по улицам. Купить киноварь? Ха, даже не мечтайте. Денег-то нет.

<http://bllate.org/book/18779/1822044>